

Источник сканирования - Избранные произведения
мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIVBB.
Изд. Социально-экономической литературы
Москва 1961. Академия Наук СССР,
Институт философии. Составители: С.Н.Григорян и А.В.Сагадеев.

**[О РАСТИТЕЛЬНОЙ ДУШЕ,
О ЧУВСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ И ОБ ОРГАНАХ,
КОИМИ ПОЛЬЗУЕТСЯ ДУША]**

(Фрагменты из «Книги исцеления»)

**О правильном определении сил,
относящихся к растительной душе**

Ознакомимся сначала с состоянием упомянутых сил¹; рассмотрим их одну за другой и определим их по их действиям. В первую очередь рассмотрим действия растительных сил и прежде всего — как обстоит дело с питанием.

И мы говорим: из вышеизложенного тебе уже известно отношение пищи к питающемуся, а также определение и свойство каждого из них. Теперь мы скажем, что пища никогда не преобразуется в природу питающегося тела сразу — она претерпевает сначала определенное превращение, выходя из своего качества, и готовится к превращению в субстанцию питающегося тела, в коем действует одна из тех сил, которые служат питательной силе, а именно пищеварительная сила. Последняя растапливает пищу в животном и подготавливает ее для равномерного распределения по всему телу. Далее, в животных, имеющих кровь, питательная сила, совершая первичное преобразующее действие, превращает пищу в кровь и смеси, из коих, как мы это объяснили в других местах, составлено тело. В каждом органе имеется питательная сила, превращающая пищу в нечто подобное этому органу и приращивающая ее к нему. Питательная сила возмещает то, что уже разложилось, уподобляет (пищу телу) и приращивает (его к нему). Хотя пища и приносит наибольшую пользу, возмещая то, что разложилось, потребность в ней существует не только поэтому — природа нуждается иногда в пище прежде всего для рращения; правда, после этого природа нуждается лишь в том, чтобы пища возмещала то, что разложилось. Из сил растительной души питательная сила действует в течение всего времени существования данной особи: пока эта сила существует, производя свои действия, продолжают существовать и растение и животное, а если она уничтожается, то и растение и животное прекращают свое существование.

¹ Речь идет о душевных (психических) силах.

Иначе обстоит дело с прочими растительными силами. Сила роста в начале существования животного производит действие, которое не сводится к одному лишь питанию, ибо цель питания — в том, о чем мы говорили. Сила роста распределяет пищу не так, как этого требует питательная сила. Ибо сама питательная сила должна давать определенную долю пищи каждому органу сообразно с его величиной и равномерно приращивать некоторую часть пищи соответственно его размеру. Сила же роста отнимает у одной части тела столько пищи, сколько требуется для увеличения некоторой другой части, и приращивает ее к последней, дабы эта часть увеличивалась больше, чем другая. Тем самым ей служит питательная сила. Если бы преобладала питательная сила, она уравнила бы все части тела или отдавала бы предпочтение той части, которая была уменьшена силой роста. Так, например, если бы питательная сила была единственной, если бы действие ее усилилось и если бы то, что привносится (в тело), было больше того, что разлагается, то она путем утолщения частей тела вызвала бы явное их увеличение вширь и вглубь, но не вызвала бы значительного увеличения их в длину. Что же касается силы роста, то она в длину увеличивает гораздо больше, чем вширь. Увеличение в длину — более трудное дело, чем увеличение вширь, ибо при увеличении в длину пищу необходимо определенным образом заставить проникать вдоль твердых частей тела, таких, как кости и нервы, дабы увеличить их и удлинить расстояние между их концами. Для увеличения же вширь бывает достаточно наращивания мяса, а также насыщения кости, при этом нет никакой необходимости заставлять что-либо в обилии проникать в них и сообщать ему движение. Одни органы в начале роста бывают мелкими, а другие — крупными, но потом, к концу роста, возникает необходимость увеличения того, что было мелким, и уменьшения того, что было крупным. Итак, если бы преобладала питательная сила, то части тела продолжали бы увеличиваться и уменьшаться в одной пропорции. Ибо питательная сила как таковая доставляет пищу и делает необходимым равномерное или приблизительно равномерное приращение ее в теле так, как это требуется по природе при утучнении. Сила же роста побуждает питательную силу делить эту пищу и заставлять ее проникать туда, где имеется потребность в наращивании, в противовес тому, чего требует питательная сила. В этом смысле питательная сила служит силе роста, так как приращивающей, несомненно, является именно питательная сила, но распоряжается она по распоряжению силы роста; последняя стремится довести рост до завершения.

Что касается силы размножения, то она действует двояко: во-первых, создает семя, придает ему известные очертания и

наделяет его определенной природой; во-вторых, при вторичном преобразовании придает его частям их формы: силы, размеры, очертания, шероховатость, гладкость и прочие атрибуты, кои подчинены упорядочивающей деятельности того, кто единствен в своем могуществе. Питательная сила помогает ей пищей, а сила роста служит ей, увеличивая части тела в определенных пропорциях. Сила размножения завершает свое действие, как только данный организм начинает образовываться, после чего им распоряжаются сила роста и питательная сила. Когда завершается действие силы роста, сила размножения побуждается к порождению семени, дабы в нем вместе с двумя подчиненными силами водворилась сила, принадлежащая к общему с ними роду.

Короче говоря, назначение питательной силы заключается в том, чтобы сохранить субстанцию особи; назначение силы роста заключается в том, чтобы довести до завершения субстанцию особи; назначение силы размножения заключается в том, чтобы сохранить вид, ибо стремление к долговечности есть нечто истекающее из божества, которое возвышается над всем. А в том, что не способно продолжать существование в качестве особи, но способно продолжать существование вида, определенная сила побуждается к возмещению его следующей за ним особью, дабы таким путем был сохранен его вид. Таким образом, питательная сила возмещает то, что разлагается в особи, а сила размножения возмещает то, что разлагается в виде.

Некоторые полагали, будто питательная сила есть огонь, поскольку огонь питается и растет. Но они вдвойне ошибаются: во-первых, питательная сила сама не питается, а питает и растит тело; а если бы огонь и питался, то он питался бы и рос сам; во-вторых, огонь не питается, а возрождается вновь и вновь таким образом, что, когда одно загорается, другое гаснет. Далее, если бы огонь питался и если бы закон его питания был тождествен закону питания тел, то в росте тел не должно было бы быть остановки, ибо, пока огонь находит вещества, он не останавливается, а распространяется до бесконечности. Наибольшее же удивление вызывают слова того, кто сказал, будто деревья пускают корни вниз потому, что земля стремится вниз, и простирают свои ветви вверх потому, что огонь стремится вверх². Во-первых, он ошибается потому, что у многих растений ветви тяжелее корней; во-вторых, почему в таком случае ветви и корни не отделяются друг от друга, ведь известно, что тяжелое отделяется от легкого? Если это относилось бы к управлению души, можно ли также рассматривать душу как причину роста корней

² Ибн-Сина подвергает здесь критике взгляд Эмпедокла (ср. *Аристотель*, *О душе*, II, 4, 415 Б 28).

и ветвей, памятуя, что, хотя у растения верх как будто там, где находится голова, головой растения являются корни, из коих оно и растет?

Далее, первым органом силы размножения является природное тепло, ибо именно огонь есть то, что способно двигать материи, в то время как холод следует за ним, дабы привести эти материи в покой, сплавивая их при завершении творения. Что же касается пассивных качеств, то среди них первым является влажность, ибо она есть то, что служит изменению и приобретению внешней формы. За ней следует сухость: она сохраняет внешнюю форму и служит ее удерживанию. Имеющаяся в животном растительная сила порождает его тело, и сила животного зависит от этой, растительной, силы. Сила животного отличается тем, что общей с ней по способу бытия является сущность силы питания и роста. Ибо главные составные части и элементы смешаны подходящим для животного образом; смесь же их не наделена силой, общей для растения и животного, именно как общей силой. Ведь сила питания и роста как общая сила не требует особой смеси — она может требовать особой смеси лишь постольку, поскольку она также и животная сила, которой от природы свойственно ощущать и двигать, когда имеется соответствующий орган, и которая определенным образом сохраняет и данное сочетание и данную смесь. Если эта сила относится к сложным вещам, то она будет несамостоятельной, ибо для противоположных тел и элементов самостоятельно сочетаться не естественно, для них естественно (лишь) стремление к различным направлениям, и сочетает их лишь особая душа, например в пальме — пальмовая душа, в винограде — виноградная душа, словом, та душа, которая образует форму данной материи. Душа, становясь пальмовой, есть не только душа растения, но и, сверх того, пальмовая душа, а в винограде — виноградная душа. Пальмовая душа, дабы стать пальмовой, не нуждается в растительной или еще какой-нибудь душе, хотя ее действия суть не что иное, как действия растения. Пальмовая душа является растительной именно потому, что она пальмовая. Что же касается растительной души, находящейся в животном, то после возникновения животного она склонна к иным действиям, нежели действия растительной души, и к тем же самым действиям в той мере, в какой они — действия растительной души. Она, таким образом, управляет определенной животной душой. Однако в действительности это не растительная душа, если только не называть ее растительной душой в упомянутом нами, то есть в общем, смысле. Видообразующее различие растительной души (я подразумеваю то, чем данное растение отличается от других растений) есть относящееся к растению действие, которое лишь устанавливает различие. А что касается растительной души,

находящейся в животном, то видообразующее различие, которое делит ее (на виды), есть находящаяся с ней в сочетании животная душа, которая предуготовляет для нее (определенное) тело; это различие подобно тем различиям, кои бывают у простых вещей и коих нет у сложных вещей. Что же касается человеческой души, то зависимость ее от тела не определена формой, как мы это объясним позже, и она не нуждается в том, чтобы для нее был предуготовлен определенный орган. Конечно, ее животное начало отличается от прочих таких начал. Точно так же обстоит дело и с органами, предуготовленными для ее животного начала.

О правильном определении степеней имеющихся у нас восприятий

Поговорим теперь вкратце о тех силах, кои ощущают и воспринимают...

Мы говорим: чувственно воспринимающее способно актуально стать подобным чувственно воспринимаемому, поскольку ощущение есть принятие формы вещи отвлеченной от материи этой вещи, так что чувственно воспринимающее приобретает форму благодаря этой форме. Так, зрящее потенциально подобно зримому, и точно так же (осязаемое) — осяземому, (вкушающее) — вкушаемому и т. д. Первое чувственно воспринимаемое есть то, что отображается в органе чувства и воспринимается последним. Когда говорят: «Я почувствовал что-то внешнее», подразумевают, видимо, нечто иное, чем когда говорят: «Я почувствовал в душе», ибо высказывание «я почувствовал что-то внешнее» означает, что форма данной вещи отобразилась в моем чувстве, а «я почувствовал в душе» означает, **что** та же форма отобразилась в моей душе. Вот почему трудно установить существование в телах чувственно воспринимаемых качеств. Однако нам достоверно известно, что из двух тел одно может оказать в чем-то воздействие на чувство, а другое — нет. Это нечто отличается в своей сущности определенным качеством, которое есть начало, воздействующее именно на данное, а не на какое-либо другое чувство.

Демокрит и некоторые физиологи вообще не признавали существования этих качеств, считая, что фигуры, кои они приписывали неделимым телам, являются причинами разнообразия того, что запечатлевается в чувствах вследствие разнообразия порядка и положения этих тел. Они говорили: поэтому-то и бывает, что один и тот же человек воспринимает один и тот же цвет как два разных цвета в зависимости от того или иного положения, занимаемого им по отношению к цвету; отношение

между человеком и видимым предметом бывает разным в зависимости от того или иного положения видимого предмета. Так, например, ожерелье голубки в зависимости от того или иного положения кажется тебе то рыжим, то пурпурным, то золотистым. По этой же причине одна и та же вещь здоровому человеку кажется сладкой, а больному — горькой. Именно эти люди считали чувственно воспринимаемые качества чем-то таким, что само по себе не имеет (реального) существования, — они, мол, суть лишь фигуры.

Среди тех, кто не согласен с этим учением, есть такие, которые хотя и не рассматривают эти качества как нечто (реально) существующее в телах, однако полагают, что качества эти суть не что иное, как страдательные состояния одних только чувств, но из них ничего нет в самом чувственно воспринимаемом. Мы уже разъяснили порочность этого мнения. Мы разъяснили, что в одних телах имеется определенное свойство, которое оказывает воздействие на язык, — как, например, то, что мы, пробуя на вкус, называем сладкостью, — а у других тел — другое особого рода свойство. То свойство, которое оказывает воздействие на язык, мы как раз и называем вкусом. Что же касается учения о фигурах, то основные положения его мы уже опровергли выше. Далее, несостоятельность этого учения становится для нас сразу ясным еще вот почему: если бы чувственно воспринимаемое было не чем иным, как фигурой, то в том случае, когда мы осязали бы эту фигуру, и особенно если бы мы воспринимали ее зрачком, то мы обязательно должны были бы увидеть ее цвет. Одно и то же одним и тем же способом воспринимает одну и ту же вещь; если бы оно отчасти воспринимало ее, а отчасти не воспринимало бы, тогда то, что не было им воспринято, было бы чем-то иным, нежели то, что было воспринято, и цвет был бы в таком случае чем-то иным, нежели фигура; точно так же и тепло было бы чем-то иным, нежели фигура, если только не говорить, что одно и то же производит в двух вещах два различных впечатления, в силу чего впечатление его в одной вещи будет осязаемым, а в другой вещи — видимым. Если бы это было так, то сама фигура не была бы чувственно воспринимаема, а от разнообразного впечатления в разных чувствах возникало бы не одно и то же. Чувственно воспринимающее есть тело, а последнее, по мнению Демокрита, получает впечатление лишь через фигуру, так что чувственно воспринимающее получало бы впечатление также лишь через фигуру. Таким образом, одна и та же вещь производила бы в одном каком-нибудь органе впечатление одной фигуры, а в другом органе — другой фигуры. Однако, по мнению Демокрита, нет ни одной фигуры, которую нельзя было бы осязать, значит, данный видимый предмет может быть также и осязаемым. Далее,

совершенно ясно и очевидно, что в цвете имеются противоположности — равно как во вкусе и прочих вещах, — среди фигур же ни одна не является противоположностью чего-либо. Демокрит и те, кто с ним согласен, действительно считают все чувственно воспринимаемое осязаемым; равным образом они рассматривают зрение так, будто нечто проникает в него и осязается. Если бы это было так, то чувственно воспринимаемое необходимо представляло бы собой нечто целое, то есть фигуру, лишь с двух сторон³. Удивительно неведение этих людей насчет того, что фигуры воспринимаются только тогда, когда имеются цвета, вкусовые качества, запахи или какие-нибудь другие качества, и что фигура, лишенная качеств, чувственно совершенно не воспринимаема. Если бы фигуре, лишенной качеств, довелось стать предметом чувственного восприятия, она произвела бы в чувстве какое-нибудь из этих впечатлений, получаемых не от фигуры, так что и в этом случае существование подобных впечатлений было бы правомерным. А если эти впечатления были бы не чем иным, как самой фигурой, то фигура, лишенная качеств, должна была бы быть воспринимаема без того, чтобы вместе с ней воспринималось и нечто другое. Некоторые древние⁴ допускали, что душа ощущает чувственно воспринимаемые вещи без чего-либо посредствующего и без каких бы то ни было органов. (Что касается среды, то это, например, воздух, который служит средой для видения, а что касается органов, то это, например, глаз, который служит органом для видения.) Но они далеки от истины, так как если бы чувственное восприятие происходило в самой душе без этих органов, то органы эти оказались бы созданными напрасно, от них не было бы никакого проку. Кроме того, раз душа, по их мнению, не является телом и не имеет положения, то одни тела не могли бы находиться близко от нее, представлять перед ней, а потому и ощущаться, а другие — находиться далеко от нее, быть скрытыми от нее и потому не ощущаться — короче говоря, ни в одном случае не было бы различия в положении тел по отношению к душе и не имело бы никакого значения, скрыты ли они от души или нет. Эти состояния бывают у одних тел в отношении к другим телам. Значит, душа должна была бы либо воспринимать все чувственно воспринимаемое, либо ничего не воспринимать даже при наличии чувственно воспринимаемых вещей, отсутствие которых избавляет ее от восприятия, ибо отсутствие чего-либо, без сомнения, противоположно его наличию. И в таком случае в отношении места и положения для души чувственно воспринимаемые вещи то отсутствовали бы, то наличествовали бы, а душа должна была бы

³ То есть со стороны зрения и осязания.

⁴ Речь идет, очевидно, о неоплатониках.

быть телом. Но это не соответствует учению этих людей. (Мы еще разъясним тебе нелепость взгляда, согласно которому воспринимаемая форма, отвлеченная от материи и от материальных связей, не полностью обладает устойчивостью без телесного органа.) Если бы при восприятии вещей душа не нуждалась в чем-то посредствующем, то зрение вовсе не нуждалось бы ни в свете, ни в прозрачной среде, приближение предметов зрительного восприятия к глазу не препятствовало бы видению, заложение уха не препятствовало бы восприятию звука, а расстройства, случающиеся с этими органами, не препятствовали бы чувственному восприятию.

Некоторые⁵ рассматривали среду как определенное препятствие, говоря, что, чем разреженнее среда, тем больше можно обнаруживать, так что если бы ее не было, а была бы совершенная пустота, обнаружение было бы полным, и тогда не было бы необходимости в том, чтобы вещь была больше, чем она представляется, дабы можно было разглядеть и муравья на небе. Это несостоятельное рассуждение. Ведь из того, что среда оказывается более разреженной, вовсе не следует, что она является более отсутствующей, ибо разреженность не ведет к отсутствию тела. Что касается пустоты, то это, по их мнению, и есть отсутствие тела. В действительности же если бы пустота существовала, то между отделенными друг от друга чувственно воспринимаемым и воспринимающим не было бы никакого стыка, одно не действовало бы на другое и не испытывало бы его действия.

Некоторые же придерживались другого мнения, а именно — что общее чувство или душа зависит от духа⁶, который, будучи разреженным телом (о том, как обстоит с ним дело, будет сказано позже), является органом восприятия, и что только он один может стремиться к чувственно воспринимаемым вещам, когда он сталкивается с ними или противостоит им, или занимает по отношению к ним определенное положение, при котором происходит восприятие. Это учение также порочно, ибо субстанция духа содержится лишь в этих ограждениях⁷, окружающих его со всех сторон, и если бы к нему примешивалось что-то внешнее, то последнее уничтожило бы смесь и состав его субстанции. Далее, ему не свойственно движение перемещения вовне и вовнутрь; если бы оно было ему свойственно, то он мог бы покидать человека и возвращаться к нему, и человек мог бы в любое время умирать и жить по выбору. Если бы дух обладал подобным свойством, то не было бы нужды в телесных органах. Ис-

⁵ Речь идет о последователях Демокрита

⁶ Под «духом» Ибн-Сина подразумевает «психическую пневму», о которой говорит римский врач и естествоиспытатель Гален (131—201 н. э.).

⁷ Имеются в виду желудочки мозга и полые нервы.

тина же состоит в том, что чувства нуждаются в телесных органах, а некоторые из них — также и в той или иной среде. Ибо чувственное восприятие есть определенное страдательное состояние, ведь оно есть принятие формы вещи, воспринимаемой чувствами, и определенное преобразование, завершающееся актуальным уподоблением (воспринимающего) воспринимаемому. Актуально воспринимающее подобно актуально воспринимаемому, а потенциально воспринимающее подобно потенциально воспринимаемому. Воспринимаемое на самом деле есть то ближнее, посредством чего воспринимающее воспринимает некую форму из формы воспринимаемого. Воспринимающее в некотором отношении воспринимает само себя, а не воспринимаемое тело, поскольку оно воспринимает форму благодаря той форме, которая как раз и является ближайшим воспринимаемым предметом. Внешнее же воспринимает форму, которая является отдаленным воспринимаемым предметом. Таким образом, воспринимается сама форма, а не, (например), снег или холод, если мы здесь имеем в виду ближайшее ощущение, в котором нет ничего посредствующего. Воспринимающее испытывает действие воспринимаемого не через действие, ибо здесь нет перехода от одной противоположности к другой, — это претерпевание есть скорее совершенствование: совершенство, бывшее в потенциальном состоянии, переходит в актуальное состояние без того, чтобы действие прекратилось и перешло в потенциальное состояние.

Теперь, когда мы уже рассказали о восприятии, которое есть нечто более общее, чем чувство, поговорим вкратце о том, как именно происходит чувственное восприятие. И мы говорим: каждое чувство воспринимает как свой предмет, так и его отсутствие: предмет воспринимается чувством сам по себе, а отсутствие его воспринимается так, как, (например), темнота воспринимается глазом, молчание — слухом и т. д. Подобное восприятие бывает потенциальным, а не актуальным. Что же касается восприятия того, что нечто было воспринято, то оно не связано с определенным чувством, ибо восприятие не есть ни цвет, который можно было бы видеть, ни звук, который можно было бы слышать; воспринимается же восприятие благодаря действию разума и силы догадки, как это станет очевидным позже из разъяснения состояния того и другого.

Об органах души

Теперь нам следует рассказать об органах души. И мы говорим: рассуждая об органах, с которыми связаны главные силы души, люди впадали в такие крайности и проявляли при этом такое непреодолимое упрямство и такую невероятную

нетерпимость, что каждая из спорящих сторон переступала границы истины. При этом самые крупные ошибки допускали те, кто рассматривал душу как единую сущность и вместе с тем полагал, что главных органов много. Ибо, поскольку их мнение по этому вопросу противоречило взгляду философов, говоривших о множественности частей души, и совпадало со взглядом тех, кто высказывался за ее единство, им было невдомек, что в таком случае они должны признавать существование только одного главного органа и что именно благодаря ему возникает первая связь души (с телом). Что же касается сторонников учения о множественности частей души, то у них нет основания приписывать каждой из этих частей особого местоположения и единого центра. Поэтому мы прежде всего говорим: первым носителем телесных сил души является тонкое, проникающее в поры духовное тело; тело это есть не что иное, как дух. Но если бы силы души, связанные с телом, не проникали в него, будучи носимы духом, загороживание путей не препятствовало бы проникновению двигательной, ощущающей и воображающей сил, хотя те, кто проводит медицинские опыты, рассматривают подобное загороживание как явное препятствие. Далее, разреженная парообразная смесь свойственна духу так же, как густая смесь — определенным органам. Дух имеет особую смесь, а она бывает разной, поскольку для несения той или иной силы дух нуждается в соответствующей смеси. Так, смесь, вызывающая гнев, не может заменить собой смесь, вызывающую влечение или ощущение; равным образом смесь, годная для зрительного духа, не тождественна со смесью, годной для двигательного духа. Если бы смесь была одной и той же, то и силы, утвердившиеся в духе, равно как и их действия, были бы одинаковыми. Если душа едина, то она должна иметь некоторую первую связь с телом; через эту связь она должна управлять им и давать ему расти, и происходить это должно при посредстве духа.

Первое действие души заключается в деятельности того органа, через посредство которого силы души распределяются этим духом по прочим органам, а также в том, что из всех органов именно этот орган возникает первым и оказывается местом рождения духа. Таким органом является сердце, о чем свидетельствует то, что было выявлено при искусственных вскрытиях, — обстоятельнее этот предмет мы разберем в книге «О животном»⁸. Таким образом, душа должна быть связана прежде всего с сердцем, но она не может быть связана сначала с сердцем, а затем — с мозгом, ибо, после того как она оказалась связанной с первым органом, тело уже стало одушевлен-

⁸ Так называется один из разделов «Книги исцеления».

ным. Что же касается второго органа, то она действует в нем, несомненно, лишь через посредство этого первого органа. Душа наделяет животное жизнью через сердце, однако силы, вызывающие другие действия, могут существовать благодаря определенному истечению от сердца к другим органам, так как это истечение должно исходить от первого органа, с которым оно связано. Именно в мозгу получает завершение смесь духа, которая способна нести силы ощущения и движения к органам таким образом, что благодаря этому последние оказываются пригодными к тому, чтобы соответствующие действия исходили от них. Точно так же обстоит дело с печенью и силами питания. Однако именно сердце есть то первое начало, с которым печень связана прежде всего и с помощью которого силы питания проникают в другие органы и действуют в них.

Как считают противники этого мнения⁹, начало чувственного восприятия заложено в мозгу. Однако чувственное восприятие происходит не посредством мозга и не в нем, а в других органах, таких, как кожа, глаз, ухо, хотя из этого отнюдь не следует, что мозг не является определенным началом. Равным образом сердце может быть началом и для сил питания — хотя действия их происходят в печени, — и для сил воображения, воспоминания и представления — хотя действия их происходят в мозгу. Нет никакой необходимости в том, чтобы отсюда, где находится начало различных сил, исходили все их действия. Напротив, необходимо, чтобы эти силы распределялись по различным органам, так или иначе образующимся после этого органа, и чтобы от этого органа к ним текла сила, соответствующая смеси и предрасположению данного ответвления — как ты это узнаешь, когда речь пойдет о животных, — таким образом, что орган, представляющий собой начало, не будет уже иметь такого значения. Вот почему для мозга были созданы нервы, а для печени — вены, так что мозг и печень суть два первых начала чувственного восприятия, движения и питания — или, лучше сказать, два вторых начала. Если сила созидания и творения течет от сердца к мозгу и тем самым определяет становление мозга, то нет ничего особенного в том, что в мозгу в свою очередь берет свое начало определенный орган, через который мозгу передаются от сердца ощущение и движение, или в том, что от сердца проникает в мозг орган, через который оно передает ему ощущение и движение. Нет надобности вдаваться в докучливые рассуждения относительно происхождения нервов, чтобы выяснить, берут ли они начало в сердце или в мозгу, — мы допускаем, что свое начало они берут в мозгу, а содействие им оказывает сердце, так же как печень посылает в желудок то,

⁹ Имеются в виду представители школы Галена.

чему в свою очередь оказывает содействие желудок. Однако желудок имеет также и вены, посредством которых он оказывает содействие другим органам. Вовсе не необходимо, чтобы в органе, являющемся началом той или иной силы, происходило первое действие этой силы и чтобы он служил орудием действия этой силы. Напротив, орудие может быть создано для того, чтобы ему оказывало содействие что-то другое, и этому началу может быть оказано содействие лишь после создания орудия. Таким образом, мозг может быть первым, что создается, не будучи началом ощущения и движения в актуальном состоянии, но будучи способным стать некоторым началом для следующих за ним органов, когда началу оказывает содействие нечто иное, нежели мозг, после того как для него было создано орудие, которому оказывает содействие нечто иное, нежели мозг.

После того как из мозга возникают нервы, идущие к сердцу, ощущение и движение передаются от сердца, и вполне возможно, что мозг существует уже в момент (а не после) возникновения этих нервов; в таком случае не остается больше ни доводов, ни чего-либо подобного доводу, в пользу того (взгляда), что это начало распространяется от мозга к сердцу. Более того, так же как создается мозг, одновременно с ним из его материи создается нечто такое, что направляется к сердцу, что является посторонним для сердца и от чего передаются ощущение и движение, поскольку возникновение этих нервов из мозга и их переход от мозга к сердцу не происходит так, как это представляется человеку, утверждающему, будто нервы, расположенные между мозгом и сердцем, возникают, имея направление от мозга к сердцу, а не от сердца к мозгу, как мы это объясним в свое время, когда у нас зайдет разговор о природе животных, достаточно обстоятельный и убедительный, чтобы устранить по этому поводу всякие сомнения.

Обратимся вместе с тем к другому способу доказательства. Мы говорим: вполне возможно, чтобы начало существования определенной силы находилось в одном каком-нибудь органе и переходило от этого органа к некоторому другому органу, чтобы эта сила завершалась там и достигала совершенства, а затем обращалась к этому первому органу и поддерживала его. Так, пища движется к печени от желудка, а затем, оказавшись там, она тем или иным путем возвращается назад и питает желудок в тех венах, которые берут начало в селезенке и в полной вене и расходятся по желудку. И нет ничего особенного, если, например, начало силы исходит от сердца, если эта сила, будучи в сердце, не достигает совершенства и если она затем оказывается полезной сердцу, достигнув совершенства в каком-нибудь другом органе. Точно так же обстоит дело и с общим чувством, ибо именно от него исходит начало отдельной ощущающей силы,

которая возвращается затем к нему, принося ему пользу. Действительно, ощущение, испытываемое самим сердцем, — особенно то, которое связано с осязанием, — сильнее ощущения, испытываемого мозгом, поэтому-то так невыносимы боли в сердце. Вполне возможно, чтобы силы стали крепче и прочнее в чем-то таком, что не является их началом, благодаря столкновению с такими материями, которые приводят их в подобное состояние (ведь и сила притяжения в концах сухожилий, видимо, превосходит силу притяжения в их началах, смежных с нервами). Сердце является первым началом, от которого текут к мозгу силы, из коих одни завершают свои действия в мозгу и в его частях — как, например, воображение, представление и прочее, — а другие текут от мозга к внешним по отношению к нему органам, как, например, к зрачку или к двигательным мускулам.

От сердца к печени течет сила питания, затем она через вены растекается по всему телу, питая также и сердце. Начало этой силы исходит от сердца, в то время как начало материи исходит от печени. Что же касается сил мозга, то зрение завершается благодаря льдообразной влаге, которая, будучи подобна чистой воде, принимает формы видимых предметов и передает их зрительному духу. Но зрение завершается там, где имеются полые нервы, как это известно из вскрытий и из объяснения их расположения. Что касается обоняния, то его действие происходит при помощи двух соскообразных отростков в передней части мозга. Что касается вкуса, то его действие происходит при помощи мозговых нервов, идущих к языку и нёбу и передающих им силу ощущения и движения. Что касается слуха, то его действие происходит также при помощи мозговых нервов, идущих к слуховому каналу и покрывающих его поверхность. Что касается осязания, то его действие происходит при помощи мозговых нервов и нервов спинного мозга, рассеянных по всему телу.

Большинству нервов чувственного восприятия оказывает содействие передняя часть мозга, ибо эта часть мозга мягче, а мягкость приносит наибольшую пользу чувственному восприятию. По мере того как передняя часть мозга переходит в тыльную часть и спинной мозг, мозг становится все более и более твердым, постепенно превращаясь в спинной мозг, тонкость которого необходимо определяет его твердость. Большинство двигательных нервов, идущих от мозга, вырастает из задней части мозга, ибо последняя тверже, а твердость приносит движению наибольшую пользу и более всего ему способствует. Из двигательных нервов в большинстве случаев порождаются мускулы, и когда они минуют мускулы, из них, а также из связок возникают сухожилия. Концы их большей частью соединены

с костями, хотя кое-где они соединяются и не с костями, в то время как сами мускулы иногда соединяются с подвижным органом без помощи сухожилия. Спинной мозг как часть мозга проникает в позвоночные отверстия, дабы вновь образующиеся нервы не удалялись от органов, дабы, напротив, нервы, образуясь из них, оказывались вблизи места их возникновения. Что же касается силы представления и общего чувства, то оба они, исходя из передней части мозга, оказываются в духе, заполняющем этот желудочек. Оба они находятся там для наблюдения за чувствами, большая часть которых имеет своим источником именно переднюю часть мозга. (Сила) же мышления и (сила) вспоминания находятся в двух других желудочках, однако (сила) вспоминания находится сзади, дабы место мыслительного духа было средним между хранилищем формы и хранилищем идеи, а расстояние между ним и этими последними было одинаковым. Сила догадки господствует над всем мозгом, но владычество ее — в средней части (мозга). Было бы вполне правомерно, если бы кто-нибудь усомнился и спросил: каким образом форма горы или даже целого мира отображается в небольшом органе — носителе силы представления? На это мы ответили бы ему: дабы не мучить себя подобного рода сомнениями, следует лишь вникнуть в то, что такое делимость тел до бесконечности. Ибо подобно тому, как обстоит дело с миром, отображающимся в небольшом зеркальце или в зрачке (а отображаемый в них предмет делится таким образом, что деление небольшого тела оказывается по числу получаемых частей и по их очертаниям пропорциональным делению большого тела, хотя эти части и различаются между собой по своим размерам), точно так же обстоит дело и с отображением воображаемых форм в их материях. Далее, соотношение, в коем находятся величины двух воображаемых форм при их отображении — то, насколько они при отображении оказываются крупными или мелкими, — тождественно соотношению величины двух внешних предметов — тому, насколько они крупны или мелки, — при этом принимается в соображение подобие расстояний.

Что касается силы гнева и того, что с ней связано, то здесь нет надобности в каком-либо другом органе, чем начало, ибо действие этой силы едино. Сила эта соответствует очень горячей смеси и нуждается в таковой. Но воздействие того, что иногда бывает благодаря этой горячей смеси, не тождественно воздействию того, что благодаря мышлению и движению происходит непрерывно — и можно не бояться перегрева. Ибо первое воздействие принадлежит к числу того, что происходит иногда акцидентально, а второе воздействие необходимо относится к числу того, что нуждается в устойчивости и в том, чтобы оно испытывалось, как, например, понимание, мышление

и т. п. Орган, способный к этому, должен быть более влажным и более холодным — а таковым как раз и является мозг, — дабы горячее по природе сильно не разгорелось и чтобы он воспрепятствовал воспламенению, вызываемому движением.

Поскольку питание принадлежит к числу того, что должно, (с одной стороны), быть связано с органом, лишенным чувствительности — так, чтобы он наполнялся пищей и освобождался от нее, не испытывая при этом мучений и особой боли от того, что проходит через него, от него и к нему, — и, (с другой стороны), быть весьма влажным, чтобы сохранять очень горячее путем уравнивания и сопротивления, то органом этим оказалась печень.

Сила размножения помещается в другом, весьма чувствительном органе, дабы она вожделением способствовала позыву к соитию. В противном случае, если бы в этом не было определенного наслаждения и если бы это не было предметом вожделения, никто не стал бы затруднять себя этим, ибо этого не требуется для продолжения существования особи. Наслаждение связано с определенным чувствительным органом, коему приданы два тестикула. Всему этому приданы в помощь иные органы, из коих одни служат для привлечения материи, а другие — для отталкивания ее, как мы еще расскажем тебе об этом там, где у нас речь пойдет о животных.